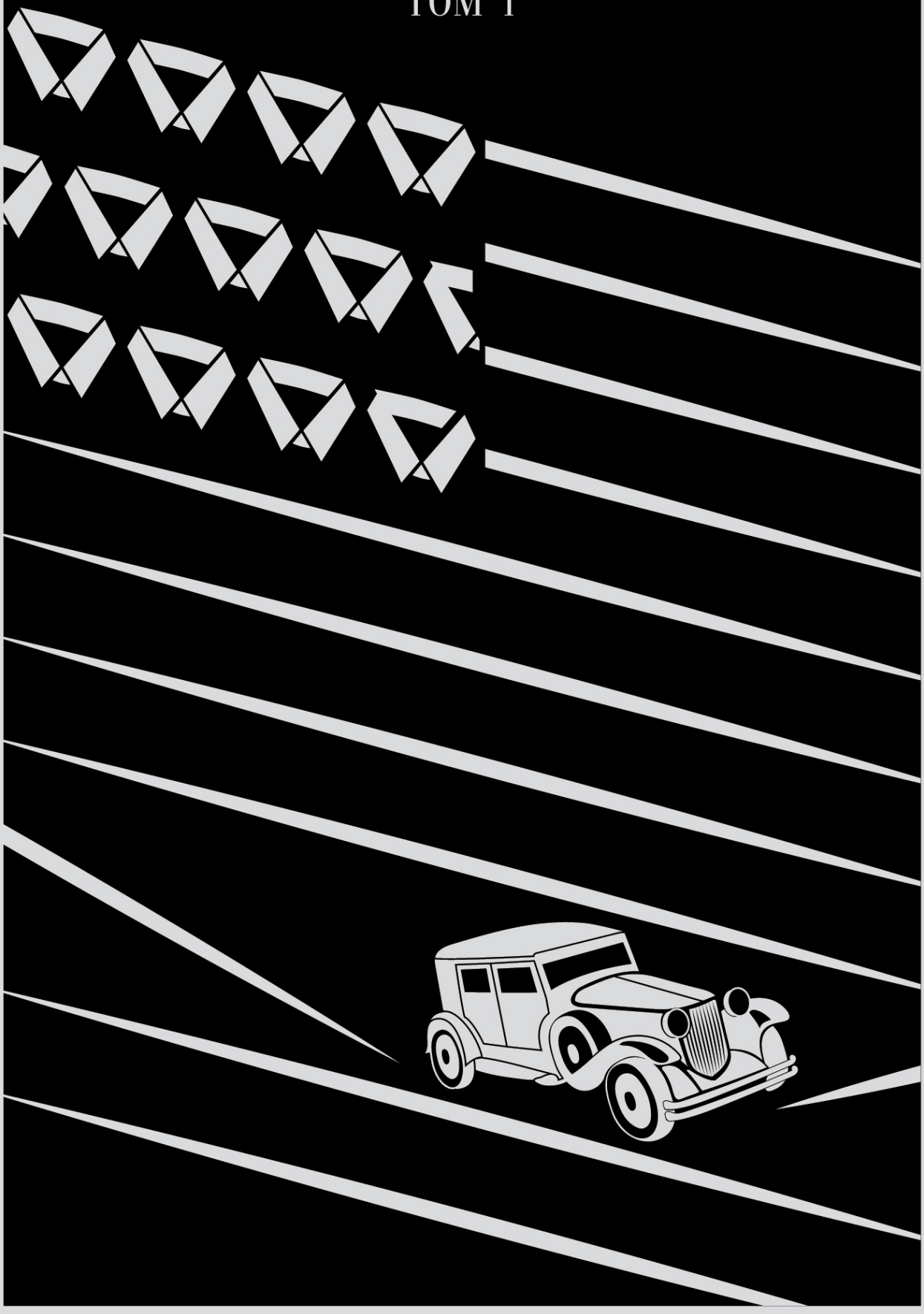
ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

Американская трагедия

ТОМ 1



Магистраль. Главный тренд

Теодор Драйзер

Американская трагедия. Том 1

«Эксмо»
1925

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Драйзер Т.

Американская трагедия. Том 1 / Т. Драйзер — «Эксмо», 1925 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-256078-1

Теодор Драйзер (1871–1945) – американский писатель и общественный деятель. В 1944 г. получил Почетную золотую медаль за выдающиеся достижения в области искусства и литературы от Американской академии искусств и литературы. В 1927 г. совершил путешествие по СССР и опубликовал книгу «Драйзер смотрит на Россию». Роман «Американская трагедия» – вершина творчества автора. В нем молодой человек, вкусивший всю прелесть жизни богатых, так жаждет утвердиться в их обществе, что идет ради этого на преступление. Драйзер говорил: «Никто не создает трагедий – их создает жизнь. Писатели лишь изображают их». История Клайда Грифитса, показанная столь талантливо, не оставляет равнодушными уже несколько поколений читателей. Основанная на реальных событиях криминально-судебная история, психологическая драма и одновременно суровая отповедь «американской мечте» стала сюжетной основой нескольких художественных фильмов.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-256078-1

© Драйзер Т., 1925
© Эксмо, 1925

Содержание

Книга первая 6
Глава I 6
Глава II 10
Глава III 14
Глава IV 19
Глава V 25
Глава VI 29
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Теодор Драйзер
Американская трагедия. Том 1

Theodore Dreiser
AN AMERICAN TRAGEDY

© Нора Галь, перевод на русский язык. Наследники, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Книга первая

Глава I

Летний вечер, сумерки…

Торговый центр американского города, где не менее четырехсот тысяч жителей, высокие здания, стены… Когда-нибудь, пожалуй, станет казаться невероятным, что существовали такие города.

И на широкой улице, теперь почти затихшей, группа в шесть человек: мужчина лет пятидесяти, коротенький, толстый, с густой гривой волос, выбивающихся из-под круглой черной фетровой шляпы, – весьма невзрачная личность; на ремне, перекинутом через плечо, небольшой органчик, каким обычно пользуются уличные проповедники и певцы. С ним женщина, лет на пять моложе его, не такая полная, крепко сбитая, одета очень просто, с некрасивым, но не уродливым лицом; она ведет за руку мальчика лет семи и несет Библию и книжечки псалмов. Вслед за ними, немного поодаль, идут девочка лет пятнадцати, мальчик двенадцати и еще девочка лет девяти; все они послушно, но, по-видимому, без особой охоты следуют за старшими.

Жарко, но в воздухе чувствуется приятная истома.

Большую улицу, по которой они шли, под прямым углом пересекала другая, похожая на ущелье; по ней сновали толпы людей, машины и трамваи, которые непрерывно звонили, прокладывая себе путь в стремительном потоке общего движения. Маленькая группа казалась, однако, равнодушной ко всему и только старалась пробраться между захлестывавшими ее встречными потоками машин и пешеходов…

Дойдя до угла, где путь им пересекала следующая улица, – вернее, просто узкая щель между двумя рядами высоких зданий, лишенная сейчас всяких признаков жизни, – мужчина поставил органчик на землю, а женщина немедленно открыла его, подняла пюпитр и раскрыла широкую тонкую книгу псалмов. Затем, передав Библию мужчине, стала рядом с ним, а старший мальчик поставил перед органчиком небольшой складной стул. Мужчина – это был отец семейства – огляделся с напускной уверенностью и провозгласил, как будто вовсе не заботясь, есть ли у него слушатели:

– Сначала мы пропоем хвалебный гимн, и всякий, кто желает восславить Господа, может к нам присоединиться. Сыграй нам, пожалуйста, Эстер.

Старшая девочка, стройная, хотя еще и не вполне сложившаяся, до сих пор старалась держаться возможно более безразлично и отчужденно; теперь она села на складной стул и, вертя ручку органчика, стала перелистывать книгу псалмов, пока мать не сказала:

– Я думаю, мы начнем с двадцать седьмого псалма: «Как сладостен бальзам любви Христовой».

Тем временем расходившиеся по домам люди разных профессий и положений, заметив группу с органчиком, нерешительно замедляли шаг и искоса оглядывали ее или приостанавливались, чтобы узнать, что происходит. Этой нерешительностью, истолкованной как внимание, человек у органчика немедленно воспользовался и провозгласил, словно публика специально собралась здесь послушать его:

– Споем же все вместе: «Как сладостен бальзам любви Христовой».

Девочка начала наигрывать на органчике мелодию, извлекая слабые, но верные звуки, и запела; ее высокое сопрано слилось с сопрано матери и весьма сомнительным баритоном отца. Другие детишки – девочка и мальчик, взяв по книжке из стопки, лежавшей на органе, слабо попискивали вслед за старшими. Они пели, а безликая, безучастная уличная толпа с недоуме-

нием глазела на это невзрачное семейство, возвысившее голос против всеобщего скептицизма и равнодушия. В некоторых возбуждала интерес и сочувствие застенчивая девочка у органа, в других – непрактичный и жалкий вид отца, чьи бледно-голубые глаза и вялая фигура, облаченная в дешевый костюм, выдавали неудачника. Из всей семьи одна лишь мать обладала той силой и решительностью, которые – как бы ни были они слепы и ложно направлены – способствуют если не успеху в жизни, то самосохранению. В ней, больше, чем в ком-либо из остальных, видна была убежденность, хотя и невежественная, но все же вызывающая уважение. Если бы вы видели, как она стояла с книгой псалмов в опущенной руке, устремив взгляд в пространство, вы сказали бы: «Да, вот кто при всех своих недостатках, несомненно, стремится делать только то, во что верит». Упрямая, стойкая вера в мудрость и милосердие той всевидящей, могущественной силы, к которой она сейчас взывала, читалась в каждой ее черте, в каждом жесте.

Любовь Христа, ты мне опорой будь,
Любовь Иисуса – праведный мой путь, —

звучно и немного гнусаво пела она, едва заметная среди громадных зданий.

Мальчик, опустив глаза, беспокойно переминался с ноги на ногу и подпевал не очень усердно. Высокий, но еще не окрепший, с выразительным лицом, белой кожей и темными волосами, он казался самым наблюдательным и, несомненно, самым чувствительным в этой семье; ясно было, что он недоволен своим положением и даже страдает от него. Его больше привлекало в жизни языческое, чем религиозное, хотя он пока еще не вполне это сознавал. Только в одном не приходилось сомневаться: у него не было призвания к тому, что его заставляли делать. Он был слишком юн, душа его – слишком отзывчива ко всякому проявлению красоты и радости, столь чуждых отвлеченной и туманной романтике, владевшей душами его отца и матери.

И в самом деле, материальная и духовная жизнь семьи, членом которой он был, не убеждала его в реальности и силе того, во что, видимо, так горячо верили и что проповедовали его мать и отец. Напротив, их постоянно тревожили всякие заботы, и прежде всего материальные. Отец всегда читал Библию и выступал с проповедями в различных местах, а главным образом в «миссии», расположенной неподалеку отсюда, – он руководил ею вместе с матерью. В то же время, насколько понимал мальчик, они собирали деньги от разных деловых людей, интересующихся миссионерской работой или склонных к благотворительности и, видимо, сочувствовавших деятельности отца. И все же семье приходилось туго: всегда они были неважно одеты, лишены многих удобств и удовольствий, доступных другим людям. А отец и мать постоянно прославляли любовь, милосердие и заботу Бога о них и обо всех на свете. Тут явно что-то не так. Мальчик не умел разобраться в этом, но все же относился к матери с невольным уважением; он ощущал внутреннюю силу и серьезность этой женщины так же, как и ее нежность. Несмотря на тяжелую работу в миссии и на заботы о семье, она умела оставаться веселой или, по крайней мере, не теряла бодрости; она часто восклицала с глубоким убеждением: «Господь позаботится о нас!» или: «Господь укажет нам путь!» – особенно в такие времена, когда семья уж слишком нуждалась. И однако – это понимали и он, и другие дети, – Бог не указывал им никакого выхода даже тогда, когда его благодетельное вмешательство в дела семьи было крайне необходимо.

В этот вечер, бродя по большой улице вместе с сестрами и братишкой, мальчик горячо желал, чтобы все это кончилось раз и навсегда или, по крайней мере, чтобы ему самому не приходилось больше в этом участвовать. Другие мальчики не занимаются такими вещами, есть тут что-то жалкое и даже унизительное. Не раз, еще прежде, чем его стали вот так водить по улицам, другие ребята дразнили его и смеялись над его отцом за то, что тот всегда во всеуслы-

шание распространялся о своей вере и убеждениях. Отец всякий разговор начинал словами: «Хвала Господу», – и все ребята по соседству с домом, где они жили, когда мальчику было семь лет, выкрикивали, завидев отца:

– Грифитс, Грифитс! «Хвала Господу», Грифитс!

Или кричали вслед мальчику:

– Вон у этого сестра играет на органчике! А еще на чем она играет?

И зачем только отец твердит повсюду свое «хвала Господу»! Другие так не делают.

В нем, как и в дразнивших его мальчишках, говорило извечное людское стремление к полному сходству, к стандарту. Но его отец и мать были не такие, как все; они всегда слишком много занимались религией, а теперь наконец сделали ее своим ремеслом.

В этот вечер, на большой улице с высокими домами, – шумной, оживленной, полной движения, – он со стыдом чувствовал себя вырванным из нормальной жизни и выставленным на посмешище. Великолепные автомобили проносились мимо, праздные пешеходы спешили к занятиям и развлечениям, о которых он мог лишь смутно догадываться, веселые молодые пары проходили со смехом и шутками, малыши глазели на него, – и все волновало ощущением чего-то иного, лучшего, более красивого, чем его жизнь, или, вернее, жизнь его семьи.

В праздной и зыбкой уличной толпе, которая непрестанно переливалась вокруг, иные, казалось, чувствовали, что в отношении этих детей допускается психологическая ошибка: некоторые подталкивали друг друга локтем, более искушенные и равнодушные поднимали бровь и презрительно улыбались, а более отзывчивые или опытные говорили, что присутствие детей здесь излишне.

– Я вижу здесь этих людей почти каждый вечер – два-три раза в неделю уж во всяком случае. – Это говорит молодой клерк. Он только что встретился со своей подругой и ведет ее в ресторан. – Наверно, какое-нибудь шарлатанство под видом религии, – прибавляет он.

– Старшему мальчишке это не по душе. Видать, он чувствует себя не в своей тарелке. Не годится такого мальчонку выставлять напоказ, коли ему неохота. Он же ничего не смыслит в этих делах, – говорит праздный бродяга лет сорока, один из своеобразных завсегдатаев торгового центра города, обращаясь к остановившемуся рядом добродушному на вид прохожему.

– Да, я тоже так думаю, – соглашается тот, заинтересованный незаурядным лицом мальчика. Смущение и неловкость видны были на этом лице, когда мальчик поднимал голову; нетрудно было понять, что бесполезно и бессердечно принуждать существо с еще не установившимся характером, неспособное постичь психологический и религиозный смысл всего этого, к участию в подобных публичных выступлениях, более подходящих для людей зрелых и вдумчивых.

И все же ему приходилось подчиняться.

Двое младших детей – девочка и мальчик – были слишком малы, чтобы по-настоящему понимать, чем они тут занимаются, и им было все равно. Старшей же девочке у органчика, видимо, даже нравилось внимание зрителей и их замечания о ее наружности и пении, так как не только посторонние люди, но даже отец и мать не раз уверяли, будто у нее прелестный, милый голосок, хотя это было не совсем верно. Голос был не так уж хорош, но все они плохо разбирались в музыке. Девочка – слабенькая, худенькая – ничем особенно не выделялась, в ней не заметно было и признаков духовной силы или глубины. Неудивительно, что пение оказалось для нее единственной возможностью хоть немного выделиться и обратить на себя внимание.

А родители твердо решили способствовать, насколько возможно, духовному очищению общества, и, когда первый псалом был окончен, отец начал разглагольствовать о той радости, которая нисходит на грешников, освобождающихся от тяжких мук совести по воле Господа, благодаря Его милосердию и любви Христовой.

– Все люди – грешники перед лицом Господа, – провозгласил он. – Доколе они не покаялись, доколе не приняли Спасителя, Его любовь и всепрощение, не ведать им счастья, душев-

ной чистоты и непорочности. Друзья мои! Если б вы знали, какой мир и покой нисходят на того, кто всем сердцем постигает, что Христос жил и умер ради всех нас, что Он сопровождает нас ежедневно и ежечасно, при свете и во мраке, на рассвете и на закате дня, дабы поддержать и укрепить нас для трудов и забот, вечно стоящих перед нами. Да, всех нас на каждом шагу подстерегают западни и ловушки! Но как утешительно сознание, что Христос всегда с нами, дабы советовать нам и помогать, ободрять нас, исцелять наши раны и облегчать наши муки! Благая мысль – какой она дарит покой и довольство!

– Аминь! – торжественно заключила жена.

И старшая дочь Эстер – домашние звали ее Эста, – чувствуя, как важно им привлечь внимание публики, эхом повторила за матерью:

– Аминь!

Клайд, старший мальчик, и двое младших детей смотрели в землю и лишь изредка взглядывали на отца; может быть, думалось им, все, о чем он говорит, и верно и важно, но все же не столь значительно и привлекательно, как многое другое в жизни. Они уже наслушались всего этого, и их юный и пылкий ум ждал от жизни большего, чем вот эти проповеди на улице и в миссии.

В конце концов после второго псалма и после небольшой речи, в которой миссис Грифитс упомянула о руководимой ими миссии, помещавшейся на ближайшей улице, и об их служении заветам Христа вообще, публику осчастливили третьим псалмом и одарили брошюрками о спасительных трудах миссии, а Эйса Грифитс, глава семьи, собрал кое-какие доброхотные даяния. Органчик закрыли, складной стул сложили и вручили Клайду, Библию и книжечки псалмов собрала миссис Грифитс, и, когда органчик был перекинут на ремне через плечо Грифитса-старшего, семейство направилось к миссии.

Все это время Клайд говорил себе, что больше не желает заниматься этим, что он и его родные смешны и не похожи на других людей; «уличные паяцы» – сказал бы он, если бы мог полностью выразить свою досаду на вынужденное участие в этих выступлениях. Он постарается никогда больше в них не участвовать. Чего ради его таскают за собой? Такая жизнь не по нем. Другим мальчикам не приходится заниматься подобными вещами. Решительнее, чем когда-либо, он помышлял о бунте, который помог бы ему отделаться от всего этого. Пускай старшая сестра ходит по улицам с органом, – ей это нравится. Младшие сестренка и братишка слишком малы, им все равно. Но он…

– Кажется, сегодня вечером публика была несколько внимательнее, чем обычно, – заметил Грифитс, шагая рядом с женой. Очарование летнего вечера подействовало на него умиротворяюще и заставило благоприятно истолковать обычное безразличие прохожих.

– Да, в четверг только восемнадцать человек взяли брошюры, а сегодня двадцать семь.

– Любовь Христа совершит свое дело, – сказал отец, столько же стараясь подбодрить себя, как и жену. – Мирские утехи и заботы владеют великим множеством людей, но, когда скорбь посетит их, иные из посеянных ныне семян дадут всходы.

– Я в этом уверена. Мысль эта всегда поддерживает меня. Скорбь и тяжесть греха в конце концов заставят некоторых понять, что путь их ложен.

Они повернули в узкую боковую улицу, из которой ранее вышли, и, миновав несколько домов, вошли в желтое одноэтажное деревянное здание, широкие окна которого и два стекла входной двери были покрыты светло-серой краской. Поперек обоих окон и филенок двойной двери было написано: «Врата упования. Евангелическая миссия. Молитвенные собрания по средам и субботам от 8 до 10 часов вечера. По воскресеньям – в 11, 3 и 8 часов. Двери открыты для всех». Под этой надписью на каждом окне были начертаны слова: «Бог есть любовь», а еще ниже помельче: «Сколько времени ты не писал своей матери?»

Маленькая группа вошла в желтую невзрачную дверь и скрылась.

Глава II

Вполне можно предположить, что у семьи, которая так бегло представлена читателю, должна быть своя, отличная от других, история; так в действительности и было. Семья эта представляла собой одну из психических и социальных аномалий, – в ее побуждениях и поступках мог бы разобраться только самый искусный психолог, да и то лишь при помощи химика и физиолога. Начнем с Эйсы Грифитса – главы семьи. Это был человек неуравновешенный и не слишком одаренный – типичный продукт своей среды и религиозных идей, неспособный мыслить самостоятельно, но восприимчивый, а потому и весьма чувствительный, к тому же лишенный всякой проницательности и практического чутья. В сущности, трудно было уяснить, каковы его желания и что, собственно, привлекает его в жизни. Жена его, как уже говорилось, была тверже характером и энергичнее, но едва ли обладала более верным или более практическим представлением о жизни. История этого человека и его жены интересна для нас лишь постольку, поскольку она касается их сына, двенадцатилетнего Клайда Грифитса. Скорее от отца, чем от матери, этот подросток унаследовал некоторую чувствительность и романтичность; вдобавок он отличался пылким воображением и стремлением разобраться в жизни и постоянно мечтал о том, как он выбился бы в люди, если бы ему повезло, о том, куда бы поехал, что повидал бы и как по-иному бы жил, если бы все было не так, а эдак. До пятнадцати лет Клайда особенно мучило (и ему еще долго потом тяжело было об этом вспоминать), что призвание или, если угодно, профессия его родителей была в глазах других людей чем-то жалким и недостойным. Родители проповедовали на улицах и руководили евангелической миссией в разных городах – в Грэнд-Рэпидсе, Детройте, Милуоки, Чикаго, а последнее время в Канзас-Сити; и всюду окружающие, – по крайней мере мальчики и девочки, которых он встречал, – с явным презрением смотрели и на него, и на его брата и сестер – детей таких родителей! Не раз, к неудовольствию отца и матери, которые никогда не одобряли подобных проявлений характера, он вступал в драку с кем-нибудь из мальчишек. Но всегда, побежденному или победившему, ему ясно давали понять, что другие не уважают труд его родителей, считают их занятие жалким и никчемным. И он непрерывно думал о том, что станет делать, когда получит возможность жить самостоятельно.

Родители Клайда оказались совершенно неспособными позаботиться о будущности своих детей. Они не понимали, что каждому из детей необходимо дать какие-то практические или профессиональные знания; наоборот, поглощенные одной идеей – нести людям свет евангельской истины, они даже не подумали устроить детей учиться в каком-нибудь одном городе. Они переезжали с места на место, часто в разгар учебного года, в поисках более широкого поля для своей религиозной деятельности. Порою эта деятельность вовсе не приносила дохода, а поскольку Эйса был не в состоянии заработать много, работая садовником или агентом по продаже новинок, – только в этих двух занятиях он кое-что смыслил, – в такие времена семья жила впроголодь, одевалась в лохмотья, и дети не могли ходить в школу. Но что бы ни думали о таком положении сами дети, Эйса и его жена и тут сохраняли неизменный оптимизм; по крайней мере, они уверяли себя в том, что сохраняют его, и продолжали непоколебимо верить в Бога и его покровительство.

Семья Грифитс жила там же, где помещалась миссия. И квартира и миссия были достаточно мрачны, чтобы вызвать уныние у любого юного существа. Они занимали весь нижний этаж старого и неприглядного деревянного дома в той части Канзас-Сити, что лежит к северу от бульвара Независимости и к западу от Труст-авеню; дом стоял в коротком проезде под названием Бикел, ведущем к Миссури-авеню, – улице подлиннее, но такой же невзрачной. И все по соседству очень слабо, однако малоприятно отдавало духом деловой коммерческой жизни, центр которой давно передвинулся к юго-западу от этих мест. Миссия Грифитсов находилась

кварталов за пять от того перекрестка, где дважды в неделю эти энтузиасты выступали под открытым небом со своими проповедями.

Другой стороной дом выходил на мрачные задние дворы таких же мрачных домов. С улицы дверь вела в обширный зал размером сорок на двадцать пять футов: здесь были расставлены рядами штук шестьдесят складных деревянных стульев и перед ними кафедра; стены украшала карта Святой земли – Палестины и десятка два отпечатанных на картоне изречений и текстов в таком примерно роде:

«Вино – обманщик; пить – значит впасть в безумие; кто поддается обману – тот не мудр».

«Возьми щит и латы и восстань на помощь мне». *Псалом 34, 2.*

«И что вы – овцы мои, овцы паствы моей; вы – человеки, а я Бог ваш, говорит Господь Бог». *Книга пророка Иезекииля, 34, 31.*

«Боже! Ты знаешь безумие мое, и грехи мои не сокрыты от Тебя». *Псалом 68, 6.*

«Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», – и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас». *От Матфея, 17, 20.*

«Ибо близок день Господень…» *Книга пророка Авдия, 1, 15.*

«Злой не имеет будущности». *Притчи, 24, 20.*

«Не смотри на вино, как оно краснеет… как змей оно укусит и ужалит, как аспид». *Притчи, 23, 31–32.*

Эти всесильные заклинания были развешаны на грязных стенах, точно серебряные и золотые скрижали.

Остальная часть квартиры представляла собою сложную и хитроумную комбинацию комнат и комнатушек; тут были три маленькие спальни, гостиная, выходящая окнами на задворки и на деревянные заборы других таких же дворов, затем кухня, она же и столовая, размером ровно в десять квадратных футов, и маленькая кладовая, где сложено было имущество миссии: брошюры, книжечки псалмов, сундуки, ящики и всякие другие вещи, которые могли понадобиться не каждый день, но представляли в глазах семьи известную ценность. Эта комнатка-кладовая примыкала непосредственно к залу, где происходили молитвенные собрания, и сюда удалялись мистер и миссис Грифитс для размышления и для молитвы перед проповедью, или после нее, или в тех случаях, когда им надо было о чем-либо посовещаться.

Часто Клайд, его сестры и младший брат видели, как мать, или отец, или оба вместе увещевали здесь какую-нибудь заблудшую или полураскаявшуюся душу, пришедшую просить совета или помощи (чаще помощи). И здесь же во времена наибольших финансовых затруднений отец и мать сидели и размышляли или, как иногда беспомощно говорил Эйса Грифитс, молили Бога указать им выход из положения. Как позже стал думать Клайд, это плохо помогало им найти выход.

И все вокруг было так мрачно и уныло, что Клайду стала ненавистна самая мысль о том, чтобы жить здесь и впредь, а еще ненавистнее – заниматься делом, служители которого вынуждены постоянно прибегать к кому-то за помощью, вечно молиться и выпрашивать подачки.

Эльвира Грифитс, прежде чем выйти замуж за Эйсу, была просто полуграмотной девушкой с фермы и очень мало задумывалась над вопросами религии. Но, влюбившись в Эйсу, она заразилась от него ядом евангелизма и прозелитизма и восторженно и радостно последовала за ним, разделяя все его рискованные затеи и причуды. Ей льстило сознание, что она может проповедовать, петь псалмы, что она способна убеждать и подчинять себе людей силою «слова Божия». Это давало ей известное нравственное удовлетворение и укрепляло желание работать вместе с мужем.

Изредка иные слушатели шли за проповедниками до их миссии, либо, прослышав о ней, приходили туда позже – странные, морально неуравновешенные и неустойчивые люди, каких можно найти повсюду. Все годы, пока Клайд не мог еще сам распоряжаться собою, он был обязан помогать родителям во время этих собраний. И всегда его больше раздражали, нежели умиляли, все эти приходившие в миссию мужчины и женщины; чаще это были мужчины: отбившиеся от дела рабочие, бродяги, пропойцы, неудачники, беспомощные и уродливые, которые, казалось, сходились сюда потому, что им больше некуда было идти. И всегда они возвещали о том, как Бог, или Христос, или Божественное милосердие спасли их от того или иного несчастья, и никогда не говорили о том, как сами спасли хоть кого-нибудь. И всегда отец и мать говорили «аминь» и «хвала Господу» и пели псалмы, а после собирали у присутствующих деньги на расходы по содержанию помещения; сборы, как догадывался Клайд, были скудные: их едва хватало на то, чтобы поддерживать жалкое существование миссии.

Лишь одно обстоятельство, связанное с его родителями, по-настоящему интересовало Клайда: насколько он понимал, где-то на Востоке – в маленьком городке под названием Ликург, близ Утики, – обретался его дядя, брат отца, живший совсем по-иному. Этот дядя – его звали Сэмюэл Грифитс – был богат. Из случайных замечаний, оброненных родителями, Клайд понял, что дядя многое мог бы для него сделать, если б только захотел, что он прижимистый, оборотистый делец, что у него в Ликурге великолепный дом и большая фабрика воротничков и рубашек, на которой работает не менее трехсот рабочих. У дяди есть сын, примерно одного возраста с Клайдом, и дочери – кажется, две. Все они жили в роскоши в этом далеком Ликурге, – воображал Клайд. Эти сведения, по-видимому, так или иначе доходили на Запад через людей, знавших и Эйсу, и его брата, и их отца. Клайд представлял себе дядю каким-то Крезом, живущим в довольстве и роскоши там, на Востоке. А здесь, на Западе, в Канзас-Сити, он, его родители, его брат и сестры кое-как перебивались со дня на день: их вечным уделом была жалкая, безысходная нужда.

Но ничто ему не поможет, если только он сам не сумеет помочь себе, – Клайд рано понял это. Лет в пятнадцать, даже немного раньше, Клайд начал понимать, что к его воспитанию, как и к воспитанию его сестер и брата, родители отнеслись, к сожалению, очень небрежно. Теперь ему трудно будет наверстать упущенное, поскольку даже в более состоятельных семьях мальчиков и девочек специально учат, готовя к той или иной профессии. С чего он мог начать при таких условиях? С тринадцати лет он стал просматривать газеты (в дом Грифитсов они не допускались, так как чтение их считалось уж слишком «мирским» занятием) и из объявлений узнал, что всюду требуются либо уже квалифицированные работники, либо мальчики для обучения таким профессиям, которые ничуть его не интересовали. Как всякий средний молодой американец с типично американским взглядом на жизнь, он считал, что простой физический труд ниже его достоинства. Вот еще! Стоять у станка, укладывать кирпичи, стать плотником, штукатуром или водопроводчиком, когда такие же, как он, мальчики становятся клерками или помощниками фармацевтов, или бухгалтерами и счетоводами в банках и различных конторах! Что за жалкая унизительная жизнь, ничуть не лучше той, какую он вел до сих пор: ходить в старом платье, спозаранку подниматься по утрам и выполнять всю ту нудную работу, которой вынуждены заниматься люди физического труда!

Да, Клайд был столь же тщеславен и горд, сколь беден. Он был из тех людей, которые считают себя особенными, непохожими на других. Он никогда не чувствовал себя неотделимой частицей своей семьи и не сознавал по-настоящему, что чем-то обязан тем, благодаря кому появился на свет. Наоборот, он был склонен осуждать своих родителей, – правда, не слишком резко и сурово, с полным пониманием их качеств и способностей. Но, умея столь здраво судить о других, он, однако, до шестнадцати лет не был способен составить какой-то план действий для самого себя и хватался то за одно, то за другое.

К этому времени в нем заговорил голос пола: его влекла и волновала красота девушек, и ему хотелось знать, может ли он тоже нравиться им. И теперь он, естественно, был немало озабочен собственной внешностью и костюмом: какой у него вид и какой вид у других юношей? Он мучился, сознавая, что плохо одет, не так красив и интересен, как мог бы быть. Что за несчастье родиться бедным, ниоткуда не ждать помощи и быть не в силах помочь самому себе!

Стараясь изучить себя во всех зеркалах, какие только ему попадались, Клайд убеждался, что он вовсе не урод: прямой, точеный нос, высокий белый лоб, волнистые блестящие волосы и глаза черные, порою печальные. Однако сознание, что его семья так жалка и что из-за профессии и окружения родителей у него никогда не было и не будет настоящих друзей, все больше угнетало его и порождало меланхолию, которая не обещала для него в будущем ничего хорошего. Порою он пробовал взбунтоваться, а затем впадал в оцепенение. Поглощенный мыслью о родителях, он забывал о своей внешности – он был в самом деле очень недурен, даже привлекателен – и истолковывал не в свою пользу заинтересованные, пренебрежительные и в то же время манящие взгляды, которые на него бросали девушки совсем другого круга, стараясь узнать, нравятся они ему или нет, смелый он или трусишка?

Однако еще прежде, чем он стал хоть что-то зарабатывать, он вечно мечтал: ах, если бы у него были, как у иных счастливцев, хороший воротничок, тонкая рубашка, изящная обувь, хорошо сшитый костюм, щегольское пальто! О, красивая одежда, комфортабельная квартира, часы, кольца, булавки… столько юнцов щеголяют всем этим! Многие мальчики в его возрасте – уже настоящие франты! Некоторые родители дарили своим сыновьям – его ровесникам – автомобили в полную собственность. Клайд видел, как они, словно мухи, летали взад и вперед по главным улицам Канзас-Сити. И с ними были хорошенькие девушки. А у него ничего нет. И никогда не было.

А мир так богат возможностями, и столько вокруг счастливых, преуспевающих людей. За что же ему взяться? Какой путь избрать? Какое изучить дело, которое дало бы ему возможность выдвинуться? Он не мог ответить. Он не знал. А эти странные люди – его родители – сами не были достаточно сведущими и ничего не могли ему посоветовать.

Глава III

Одно событие, удручающе подействовав на всю семью Грифитс, усилило и мрачное настроение Клайда как раз в то время, когда он пытался прийти к какому-то практическому решению: его сестра Эста (он был к ней очень привязан, хоть и имел с нею мало общего) убежала из дому с актером, который приезжал на гастроли в местный театр и мимоходом увлекся ею.

Нужно сказать, что Эста, хоть и получила строгое нравственное воспитание и бывала порой преисполнена религиозного пыла, была все же просто чувственной и безвольной девушкой: она еще не понимала себя и сама не знала, чего хочет. Обстановка, в которой жила Эста, была ей глубоко чужда. Подобно огромному большинству, исповедующему религию только на словах, она затвердила все догматы веры в раннем детстве, сама того не замечая, а смысл этих ежедневно повторяемых слов и поныне оставался ей непонятен. От необходимости думать самостоятельно она была избавлена родительскими наставлениями, законом или «откровением», и до тех пор, пока со всем этим не столкнулись другие теории, другие положения, внешние или даже внутренние побуждения, она была достаточно защищена. Но можно было заранее сказать, что, едва лишь такое столкновение произойдет, религиозные верования, не основанные на ее собственном убеждении и не вытекавшие из особенностей ее характера, не выдержат и первого толчка. Мысли и чувства Эсты, как и ее брата Клайда, постоянно вертелись вокруг любви, приятной и легкой жизни – что вряд ли совместимо с религиозными идеями самоотречения и самопожертвования. Весь ее внутренний мир и все ее мечты противоречили этим требованиям религии.

Но у нее не было ни силы Клайда, ни его сопротивляемости. Она была пассивной натурой, со смутным влечением к красивым платьям, шляпкам, туфелькам, лентам и к прочей мишуре, а религия запрещала об этом мечтать. По утрам и днем после школы, а иной раз и вечером она проходила по длинным оживленным улицам. Ей нравились девушки, гуляющие под руку и шепотом поверяющие друг другу какие-то секреты; нравились юноши, – под их дурачествами и забавной неугомонностью, свойственной молодому животному, чувствовалась сила и значение того настойчивого, инстинктивного стремления найти себе пару, которое таится за всеми мыслями и поступками молодого существа. И когда Эста порою замечала где-нибудь на углу или в подъезде влюбленную пару или встречала томный, испытующий взгляд какого-нибудь искателя приключений, в ней самой поднималось смутное волнение, нервный трепет, громко говоривший в пользу всех зримых и осязаемых радостей земной жизни, а не в пользу бесплотных радостей неба.

И взгляды юношей пронизывали ее, как невидимые лучи, потому что она была хороша собою и с каждым часом становилась все привлекательнее. И влечение молодых людей пробуждало в ней отклик, вызывало те преобразующие химические реакции, которые лежат в основе всей нравственности и безнравственности мира.

Однажды, когда она возвращалась домой из школы, какой-то фатоватый молодой человек заговорил с нею, потому что она, казалось, всем своим видом на это вызывала. И мало что могло бы остановить ее, так как она была хоть и не страстной, но податливой натурой. Однако дома ее так муштровали, внушая, сколь необходимо блюсти скромность, сдержанность, чистоту и тому подобное, что, по крайней мере в данном случае, не было опасности немедленного падения. Но за этой первой атакой последовали другие, она стала принимать ухаживания или не так быстро убегала, и постепенно была разрушена та стена сдержанности, которую воздвигло данное ей воспитание. Она стала скрытной и утаивала от родителей свои похождения.

Случалось, молодые люди, не слушая ее протестов, провожали ее, заговаривали с ней. Они победили ту чрезмерную робость, которая вначале помогала ей отстранять их. Она стала желать новых встреч, мечтать о какой-то радостной, чудесной, беззаботной любви.

Так медленно, но неудержимо росли в ней эти настроения и желания, – и тут наконец появился этот актер, один из тех тщеславных, красивых и грубых мужчин, у которых только и есть что умение одеваться да внешний лоск, но нет ни на грош нравственности, вкуса, учтивости или хотя бы подлинной нежности; зато в нем было много мужского обаяния, и он сумел за одну неделю, после нескольких встреч, так вскружить голову Эсте, что она оказалась всецело в его власти. А он, в сущности, был к ней почти равнодушен. Для этого пошляка она была просто одной из многих девчонок – довольно хорошенькая, явно чувственная и неопытная дурочка, которую можно взять несколькими нежными словами, – надо лишь притвориться влюбленным и пообещать ей в будущем, когда она станет его женой, счастливую, привольную жизнь да поездки по новым местам.

Но ведь те же слова твердил бы и настоящий влюбленный, который остался бы верен навсегда. Она должна сделать только одно, уверял он: уехать с ним и стать его женой сейчас же, немедля. К чему промедления, когда встречаются люди, созданные друг для друга. Здесь, в этом городе, есть препятствия к их браку, – он не может объяснить, какие именно, это касается его друзей, но в Сент-Луисе у него есть друг пастор, который их обвенчает. У нее будут новые красивые платья, каких она еще никогда и не видела, восхитительные приключения, любовь. Она будет путешествовать с ним и увидит огромный мир. У нее не будет никаких забот и тревог, ей придется заботиться только о нем… Для нее все это было правдой – словесным выражением искренней страсти; для него же это был старый удобный способ обольщения, которым он часто пользовался и раньше, и не безуспешно.

И за одну неделю, в течение которой они встречались урывками – то утром, то днем, то вечером, это нехитрое колдовство увенчалось успехом.

Как-то в апреле, в субботу вечером, Клайд довольно поздно вернулся домой после дальней прогулки (он предпринял ее, чтобы избежать обычных своих обязанностей во время субботнего молитвенного собрания) и нашел отца и мать в тревоге: Эста исчезла. Она, по обыкновению, играла на органе и пела во время этого собрания и казалась такой же, как всегда. Потом ушла в свою комнату, сказав, что чувствует себя не совсем хорошо и рано ляжет в постель. Но в одиннадцать часов, как раз перед возвращением Клайда, мать случайно заглянула к ней в комнату и обнаружила, что ее нет ни там, ни где-либо поблизости. Какая-то перемена в комнате – не видно было платьев и некоторых мелочей, исчез старый чемодан – привлекла внимание матери. Обыскали весь дом и убедились, что Эсты нигде нет; тогда Эйса вышел на улицу и прошел по ней из конца в конец. Эста иногда гуляла одна или просто выходила в свободное время посидеть под окнами миссии.

Но и эти поиски были тщетны. Тогда Клайд и отец прошли до угла и дальше по Миссури-авеню. Эсты нигде не было. В полночь они вернулись, и волнение в доме, разумеется, усилилось.

Сперва предположили, что Эста, ничего не сказав, отправилась куда-то на прогулку; но когда часы пробили половину первого, потом час, потом половину второго, а Эсты все не было, они уже хотели дать знать в полицию. Но тут Клайд, войдя в комнату сестры, увидел на ее узенькой деревянной кровати приколотую к подушке записку – послание, ускользнувшее от глаз матери. Он кинулся к ней, охваченный предчувствием; он ведь часто спрашивал себя, каким способом известит родителей, если решится тайно уехать от них: он знал, что они по доброй воле никогда его не отпустят, если только сами не предусмотрят все до мелочей. А теперь исчезла Эста, и вот записка от нее, – конечно, такая же, какую мог бы оставить и он. Клайд нетерпеливо схватил ее, спеша прочитать, но в это мгновение в комнату вошла мать и, увидев у него в руках листок бумаги, воскликнула:

– Что это? Записка? От нее?

Он протянул ей записку, мать развернула ее и быстро прочла. Клайд заметил, как широкое строгое лицо матери, всегда красновато-смуглое, побелело, когда она повернулась к дверям. Крупный рот сжался в резкую прямую линию. Большая сильная рука, державшая на весу маленькую записку, чуть-чуть дрожала.

– Эйса! – позвала она, входя в соседнюю комнату, где ждал муж; курчавые седеющие волосы на его круглой голове растрепались. – Прочти это!

Клайд, последовавший за матерью, увидел, как отец нервно схватил записку пухлой рукой, и его старчески вялые, обмякшие губы странно задвигались. Всякий, кто хорошо знал его, сказал бы, что именно с таким видом Эйса и прежде принимал суровые удары судьбы.

– Тц! Тц! Тц! – только это он сначала и произнес – звук, показавшийся Клайду весьма маловыразительным. Новое: «Тц! Тц! Тц!» – и Эйса стал покачивать головой из стороны в сторону. Затем со словами: «Как ты думаешь, почему она это сделала?» – он повернулся и уставился на жену, а та в ответ беспомощно смотрела на него. Затем он принялся расхаживать взад и вперед по комнате, заложив руки за спину, делая короткими ногами неестественно большие шаги и покачивая головой, и снова издал бессмысленное: «Тц! Тц! Тц!»

Миссис Грифитс всегда сильнее чувствовала, живее на все отзывалась, чем ее муж, – и теперь, в этом тяжелом испытании, она вела себя иначе, естественнее. Какое-то возмущение, недовольство судьбой вместе с видимым физическим страданием, казалось, тенью прошло по ее лицу. Когда муж встал, она протянула руку и, взяв у него записку, впилась в нее глазами; на лице ее появилось жесткое, но в то же время страдальческое выражение. У нее был вид крайне взволнованного и раздосадованного человека, который силится и не может распутать какой-то узел, старается сохранить самообладание и не жаловаться и все-таки жалуется горько и гневно. Позади были долгие годы слепой веры и служения религии, и потому ее ограниченному уму представлялось, что она по справедливости должна быть избавлена от такого горя. Где же был ее Бог, ее Христос, в час, когда совершалось столь очевидное зло? Почему Он ей не помог? Как Он это объяснит? Где Его библейские обеты? Его вечное руководство? Его прославленное милосердие?

Клайд видел, что перед лицом такого огромного несчастья ей трудно найти ответ, – по крайней мере, сразу. Но в конце концов – Клайд был уверен – ей, несомненно, это удастся. Ибо и она и Эйса, как и все фанатики, в каком-то ослеплении упорно отделяли Бога от зла, ошибок и несчастий, хотя и признавали за ним, несмотря ни на что, высшее могущество. Они будут искать корень зла в чем-то другом – в какой-то коварной предательской лживой силе, которая наперекор Божественному всеведению и всемогуществу соблазняет и обманывает людей, и в конце концов найдут объяснение в греховности и испорченности человеческого сердца – сердца, которое создал Бог, но которым Он не управляет, ибо не хочет управлять.

Но сейчас только боль и гнев бушевали в матери; и все же ее губы не кривились судорожно, как у Эйсы, и в глазах не было такого глубокого отчаяния, как у него. Она отступила на шаг, снова почти сердито перечитала письмо и сказала Эйсе:

– Она сбежала с кем-то, но не сообщает…

И вдруг остановилась, вспомнив о присутствии детей: Клайд, Джулия и Фрэнк – все были здесь, и все напряженно, с любопытством и недоверием смотрели на мать.

– Поди сюда, – сказала она мужу, – мне нужно с тобой поговорить. А вы все шли бы спать, – прибавила она, обращаясь к детям, – мы сейчас вернемся.

Вместе с Эйсой она быстро прошла в маленькую комнатку, примыкавшую к залу миссии. Дети услышали, как щелкнул выключатель, как родители заговорили вполголоса, и все трое многозначительно переглянулись, хотя Фрэнк был слишком мал (ему было всего десять лет), чтобы понять толком, что произошло. Даже Джулия вряд ли вполне понимала значение случившегося. Но Клайд, больше знакомый с жизнью, услышав фразу матери: «Она сбежала

с кем-то», – прекрасно все понял. Эсте опостылело все это так же, как и ему. Может быть, она убежала с одним из тех франтов, которых он видел на улицах с красивыми девушками? Но куда? И что это за человек? В записке что-то сказано, но мать не позволила прочитать ее. Слишком быстро отняла. Жаль, что не удалось втихомолку первому в нее заглянуть.

– Как ты думаешь, она совсем убежала? – с сомнением спросил он Джулию, когда родители ушли. Джулия казалась бледной и растерянной.

– Откуда я знаю! – ответила она с досадой: горе родителей и вся эта таинственность взволновали ее не меньше, чем поступок Эсты. – Она мне ничего не говорила. Я думаю, ей было совестно.

Джулия, более сдержанная и спокойная, чем Эста и Клайд, всегда была ближе к родителям и потому теперь огорчилась больше других детей. Правда, она не вполне понимала, что произошло, но кое-что подозревала, потому что и она иногда разговаривала с другими девочками, но только сдержанно и осторожно. Больше всего ее сердило, что Эста выбрала такой способ оставить семью: убежала из дому тайком от родителей, от братьев, от нее, причинила родителям такое страшное горе! Это ужасно! Воздух был насыщен несчастьем.

Родители совещались в маленькой комнатке, а Клайд сидел, глубоко задумавшись: напряженно и пытливо он размышлял о жизни. Что же сделала Эста? Неужели это, как он со страхом предполагал, один из тех ужасных побегов, одна из тех не слишком красивых любовных историй, о которых постоянно шептались мальчишки на улицах и в школе? Какой позор, если так! Она, пожалуй, никогда не вернется. Сбежала с каким-то мужчиной. В этом, конечно, кроется что-то позорное и дурное для девушки, так как он постоянно слышал, что все приличные отношения между юношей и девушкой, между мужчиной и женщиной всегда приводят к одному – к браку. И вот, вдобавок ко всем прочим несчастьям их семьи, Эста пошла на такое! Конечно, их жизнь, и без того достаточно мрачная, станет теперь еще мрачнее!

Вскоре вернулись родители. В лице миссис Грифитс, все еще напряженном и расстроенном, что-то изменилось: быть может, в нем было теперь меньше отчаяния, больше безнадежной покорности.

– Эста решила уехать от нас, во всяком случае на время, – сказала она, видя, что дети с любопытством ждут объяснений. – Вы не должны о ней тревожиться и много думать об этом. Я уверена, что она через некоторое время вернется. Пока, по некоторым причинам, она пошла своим путем. Да будет воля Господня! («Благословенно имя Господа», – вставил Эйса.) Я думала, что она была счастлива среди нас, но, по-видимому, я ошибалась. Как видно, она должна сама узнать жизнь. (Здесь Эйса опять издал свое: «Тц! Тц! Тц!») Но мы не должны думать о ней плохо. Это ни к чему. Да руководят нами лишь любовь и доброта.

Однако она сказала это с некоторой суровостью, противоречившей смыслу ее слов; голос ее звенел.

– Мы можем только надеяться, что она скоро поймет, как безумен и легкомыслен ее поступок, и вернется домой. Она не может быть счастлива на том пути, на который вступила. Это не путь Господа и не Его воля. Она слишком молода и впала в заблуждение. Но мы ее прощаем. Мы должны простить. Наши сердца всегда будут открыты для нее, будут преисполнены любви и нежности.

Она говорила, словно обращаясь к большой аудитории, но голос ее звучал сурово и печально, лицо было холодное, застывшее.

– Теперь идите спать. Нам остается лишь уповать на милость Божию и молиться утром, в полдень и вечером, чтобы никакое зло не постигло ее. Да, хотела бы я, чтобы она этого не делала, – прибавила она без всякой связи со всей предыдущей речью, очевидно, думая не о стоящих перед нею детях, а только об Эсте.

Но Эйса!

«Что это за отец!» – часто думал впоследствии Клайд.

Кроме собственного горя, он, казалось, еще способен был заметить более глубокое горе жены, – но ничего больше! Все это время он бессмысленно стоял, склонив голову набок, – коротенький, седой, курчавый, ничтожный.

– Да будет благословенно имя Господне, – вставлял он время от времени. – Мы не должны закрывать перед нею наши сердца. Да, да, мы не должны осуждать. Мы должны лишь уповать на лучшее. Да, да! Хвала Господу! Восхвалим Господа! Аминь! О да! Тц! Тц! Тц!

– Если кто-нибудь спросит, где Эста, – после паузы продолжала миссис Грифитс, даже не взглянув в сторону своего супруга и обращаясь к обступившим ее детям, – мы должны будем сказать, что она уехала к моим родным в Тонаванду. Это не совсем так, но мы ведь и сами не знаем правды, не знаем точно, где она… к тому же она может скоро вернуться. Значит, мы не должны говорить о ней ничего плохого, пока не узнаем всего.

– Да, хвала Господу, – слабо откликнулся Эйса.

– Если кто-нибудь спросит о ней, пока нам самим ничего не известно, надо отвечать так, как я сказала.

– Конечно, – сказал Клайд услужливо, а Джулия прибавила:

– Хорошо.

Миссис Грифитс замолчала и строго, но в то же время как бы виновато посмотрела на детей. Эйса снова издал: «Тц! Тц! Тц!» – и детей отправили спать.

Клайду очень хотелось узнать, что же было в письме, но он на долгом опыте убедился, что мать ничего не скажет ему, если не сочтет нужным; он ушел в свою комнату, чувствуя, что устал. Почему родители больше не ищут Эсту, если есть надежда ее найти? Где она теперь, вот в эту минуту? Где-нибудь в пути, в поезде? Очевидно, она не желает, чтобы ее нашли. Наверно, ей было здесь так же невыносимо, как и ему. Еще так недавно он сам думал уйти куда-нибудь из дому, представлял себе, как отнеслась бы к этому семья, и вот сестра опередила его. Как это повлияет на его решение и на его поступки в будущем? По правде говоря, несмотря на горе отца и матери, Клайд не мог считать уход сестры таким уж несчастьем, – во всяком случае, не самый уход. Это просто лишнее доказательство, что в доме не все благополучно. Вся деятельность миссии ничего не значит. Во всех этих религиозных чувствах и разговорах тоже мало толку. Они не спасли Эсту. Очевидно, она, так же как и он, не особенно верила во все это.

Глава IV

Придя к такому заключению, Клайд стал упорнее, чем когда-либо, думать о своем будущем. Он решил, что должен сам предпринять что-то, и притом поскорее. До сих пор ему удавалось найти только такую работу, какая обычно достается мальчикам двенадцати-пятнадцати лет: как-то летом он помогал газетчику разносить газеты; другое лето (а по субботам и зимой) работал на складе магазина стандартных цен: открывал ящики и распаковывал товары, за что получал щедрое вознаграждение – пять долларов в неделю, – сумму, казавшуюся ему тогда целым состоянием. Он чувствовал себя богачом и, наперекор родителям, которые считали театр и кино делом не только мирским, но и греховным, изредка бывал в этих запретных местах где-нибудь на галерке. Такие развлечения приходилось скрывать от родителей. Но это не удерживало Клайда. Он полагал, что имеет право распоряжаться своими деньгами и даже брать с собой младшего брата Фрэнка, который рад был пойти с ним и ни разу не проговорился.

Несколько позже, в тот же год, Клайд решил оставить школу, так как уже сам чувствовал, что слишком отстал; он устроился помощником продавца содовой воды в аптекарском магазине средней руки; магазин находился рядом с театром и был как бы под его покровительством. Проходя мимо по дороге в школу, Клайд случайно увидел объявление: «Требуется мальчик». Затем он поговорил с молодым человеком, помощником которого ему предстояло сделаться и который готов был обучить Клайда новой профессии, если тот будет понятлив и услужлив; из их беседы Клайд понял, что, усвоив это искусство, сможет зарабатывать пятнадцать и даже восемнадцать долларов в неделю. По слухам, столько получают двое служащих в магазине Струда на углу Четырнадцатой и Балтимор-стрит. Магазин, куда хотел поступить Клайд, платил, однако, только двенадцать долларов – обычную ставку в таких заведениях.

Но чтобы постичь это искусство, как сообщили ему, нужно время и дружеская помощь опытного человека. Если он желает поступить сюда и работать для начала за пять долларов (лицо Клайда вытянулось), – ну, скажем, за шесть, – он скоро овладеет искусством составлять сладкие напитки и сдабривать сиропами всевозможные сорта мороженого. Но сперва Клайд будет учеником, а значит, он должен мыть и чистить сифоны и всю посуду на стойке и, само собой, в половине восьмого открывать магазин, подметать, стирать пыль, а также исполнять всякие поручения, которые может дать ему хозяин. В те минуты, когда его непосредственное начальство мистер Зиберлинг – самоуверенный и болтливый двадцатилетний франт – будет перегружен заказами, он передоверит Клайду приготовление несложных смесей из лимонада, кока-колы и тому подобного.

И вот Клайд, посовещавшись с матерью, решил принять это выгодное предложение. Во-первых, рассчитывал он, здесь можно будет бесплатно полакомиться мороженым, – немалое преимущество. Во-вторых, как он думал в то время, это откроет ему путь к какой-то профессии, чего ему очень не хватало. Затем – и это тоже большое преимущество – ему придется задерживаться на работе поздно, до двенадцати ночи, а взамен у него будут свободные часы днем. И, значит, по вечерам он не будет дома и не будет посещать вечерних классов в десять часов. От него уже не смогут требовать помощи на молитвенных собраниях, разве только в воскресенье, да и по воскресеньям он тоже будет занят после обеда и вечером.

Кроме того, продавец содовой воды регулярно может получать контрамарки от администратора соседнего театра, боковая дверь ведет из магазина прямо в фойе. Клайд пришел в восторг: так интересно работать в магазине, который составляет как бы часть театра.

Но самое главное, – к удовольствию, а порой и к отчаянию Клайда, – перед каждым спектаклем, а в дни утренних представлений и после спектакля, здесь собирались статистки; они приходили в одиночку или группами, усаживались у прилавка, болтали, смеялись, поправляли перед зеркалом прическу, подкрашивались и пудрились. И Клайд, неопытный птенец, незна-

комый с обычаями света, с привычками и манерами женщин, не уставал любоваться красотой этих посетительниц, их смелостью, самоуверенностью и грацией.

Перемывая стаканы, накладывая мороженое, наливая сиропы, укладывая на подносах лимоны и апельсины, он впервые в жизни мог вблизи наблюдать этих девушек. Они – просто чудо! Почти все так хорошо одеты, – кольца, брошки, меха, восхитительные шляпки, красивые туфли! И как часто он слышал разговоры об интереснейших вещах: о пикниках, танцах, обедах, виденных ими спектаклях, о прогулках по окрестностям Канзас-Сити, о том, чем отличается нынешняя мода от прошлогодней и как очаровательны некоторые актеры и актрисы, – главное, конечно, актеры! – которые играют сейчас в городе или скоро приедут на гастроли. Дома Клайд ни о чем таком не слыхивал.

И очень часто то одну, то другую из этих юных красавиц сопровождал какой-нибудь молодой человек во фраке, в крахмальной манишке, в цилиндре, галстуке бабочкой, белых лайковых перчатках, лакированных ботинках, – в костюме, который в то время казался Клайду последним словом хорошего тона, красоты, изящества, благополучия. Носить бы такой костюм и с таким же непринужденным видом! Разговаривать с девушкой так же свободно и хладнокровно, как эти франты! Вот верх совершенства! Ни одна красивая девушка, казалось тогда Клайду, и смотреть на него не станет, если у него не будет такого костюма. Это просто необходимо, это главное! И если только Клайд достигнет этого, – сумеет вот так одеться, – разве это не будет означать, что он твердо стал на путь, ведущий к блаженству? Все радости жизни, конечно, раскроются перед ним. Ласковые улыбки! Тайные пожатия рук, и, может быть, его рука вокруг девичьей талии… поцелуй… обещание жениться… и потом, потом…

И все это – как внезапный луч света после долгих лет, когда надо было без конца ходить с отцом и матерью по улицам, сидеть на молитвенных собраниях, выслушивать неописуемых, нелепых чудаков, опустившихся и сбившихся с пути, – вечно они рассказывают, как Христос спас их и что Бог сделал для них. Будьте уверены, теперь он от всего этого избавится. Он будет работать, копить деньги – и станет человеком… Поистине, этот несложный, но образцовый набор банальностей сиял, как чудо духовного перерождения! Это был мираж, возникший перед жаждущим путником – жертвой пустыни.

Однако Клайд быстро убедился, что одно плохо в его новом положении: хотя здесь и можно было научиться составлять различные фруктовые напитки и зарабатывать двенадцать долларов в неделю, – это отнюдь не приближало часа, когда сбудутся снедавшие его честолюбивые надежды и стремления. Альберт Зиберлинг, его непосредственное начальство, твердо решил сохранить для себя одного как секреты ремесла, так и наиболее приятную часть работы. И притом он, заодно с их хозяином-аптекарем, полагал, что Клайд должен не только помогать ему, Зиберлингу, в приготовлении напитков, но еще и бегать по всяким поручениям хозяина, а это отнимало у Клайда чуть ли не весь рабочий день.

Словом, Клайду было мало толку от этой работы: он никак не мог одеться лучше, чем прежде. Хуже того, – Клайда угнетало, что у него очень мало денег, почти нет знакомых и связей. В сущности, вне своей семьи он был совсем одинок – и едва ли менее одинок в семье.

Бегство Эсты неблагоприятно отразилось на миссионерской деятельности в Канзасе. И так как Эста не вернулась, родители Клайда стали подумывать о переезде, за неимением лучшего, в Денвер, штат Колорадо. Но Клайд решительно не хотел с ними ехать. «Какой смысл? – спрашивал он себя. – Там просто будет еще одна миссия, точно такая же, как и здесь».

Он всегда жил с родителями – в квартире при миссии на улице Бикел – и терпеть не мог эту жизнь. С одиннадцати лет, с тех пор как семья приехала в Канзас-Сити, он стыдился приводить знакомых мальчиков к себе домой. Поэтому он никогда не имел друзей, а гулял и играл почти всегда один или с братом и сестрами.

Но теперь ему уже шестнадцать, он достаточно взрослый, чтобы жить по-своему, и должен избавиться от такой жизни! Однако он слишком мало зарабатывал – маловато, чтобы прожить одному, и ему не хватало еще умения и смелости для того, чтобы устроиться лучше.

Тем не менее, когда родители заговорили о переезде в Денвер и, не допуская и мысли, что Клайд не захочет поехать с ними, упомянули о возможности для него получить там работу, Клайд стал исподволь намекать, что ему лучше остаться здесь. Он любит Канзас-Сити. Что толку от перемен? У него здесь есть работа, а может быть, он найдет и что-нибудь получше. Но родители, помня о судьбе Эсты, были в большом сомнении. Что может выйти из его попытки так рано начать самостоятельную жизнь? Где он будет жить после их отъезда? С кем? С какими влияниями столкнется в жизни и кто будет рядом, чтобы помочь ему, дать добрый совет, направлять его по стезе добродетели, стезе, которой следовали они сами? Обо всем этом надо подумать.

Клайд был сильно напуган: переезд в Денвер казался неизбежным и приближался с каждым днем; вдобавок как раз в это время мистер Зиберлинг из-за своей чрезмерной любезности по отношению к прекрасному полу потерял место; в аптекарском магазине появился новый старший продавец, костлявый и мрачный; он, видимо, не желал иметь Клайда своим помощником. И Клайд решил уйти оттуда, но не сразу: сначала, бегая по городу со всякими поручениями, он попробует подыскать себе другое место. И вот во время этих поисков ему однажды пришла в голову мысль обратиться к продавцу прохладительных напитков в большом аптекарском магазине при главном отеле города; отель этот, великолепное двенадцатиэтажное здание, казался Клайду квинтэссенцией роскоши и комфорта. Его окна всегда были плотно завешены, главный вход (Клайд не решался заглянуть дальше) был вычурным сочетанием стекла и металла; за дверями виднелся мраморный коридор, уставленный пальмами. Клайд часто проходил мимо, с мальчишеским любопытством размышляя о том, что за жизнь там, внутри? У подъезда всегда ожидало столько такси и частных автомобилей!

В тот день, подгоняемый необходимостью что-то предпринять, Клайд вошел в аптекарский магазин, занимавший в здании отеля угловое помещение, выходившее на Четырнадцатую и Балтимор-стрит. Увидев кассиршу в маленькой стеклянной будке у входа, Клайд спросил, кто у них здесь ведает продажей содовой воды.

Кассирше понравились его робкие, неуверенные манеры и глубокие, словно умоляющие глаза; она сразу угадала, что мальчик ищет работу.

– Да вот мистер Сикор, управляющий магазином, – сказала она.

Она кивнула в сторону невысокого, строго одетого человека лет тридцати пяти, который устраивал на стеклянном прилавке выставку туалетных новинок. Клайд подошел к нему и, еще не вполне понимая, как надо действовать, когда хочешь чего-то добиться в жизни, но видя, однако, что этот человек поглощен своим занятием, остановился, переминаясь с ноги на ногу, и стоял до тех пор, пока управляющий наконец не почувствовал, что кто-то находится сзади, и не обернулся.

– В чем дело? – спросил он Клайда.

– Скажите, пожалуйста, вам не нужен помощник для продажи содовой воды?

Взгляд Клайда говорил яснее всяких слов: «Если у вас есть место, я так хотел бы, чтоб вы взяли меня! Мне так нужна работа!»

– Нет, нет, нет, – ответил тот.

Этот крепкий блондин был по натуре несколько раздражителен и сварлив. Он уже собирался отвернуться от просителя, но, увидев по лицу Клайда, как глубоко тот разочарован и огорчен, спросил еще:

– А вы когда-нибудь работали в таком месте?

– Не в таком прекрасном магазине, сэр, – ответил Клайд, пораженный окружающим великолепием. – Я работаю теперь в магазине мистера Клинкла, на углу Седьмой и Бруклин-стрит, но это совсем не то, что у вас, и мне хотелось бы найти что-нибудь получше.

– Мгм, – пробормотал его собеседник, слегка польщенный невинной данью превосходству его магазина. – Что ж, это вполне разумно. Но как раз сейчас я ничего не могу вам предложить. Мы нечасто меняем служащих. А вот если вы хотите поступить рассыльным, я скажу вам, где можно устроиться. Здесь, в отеле, как раз хотят взять мальчика. Начальник рассыльных говорил мне, что ему нужен еще один. Я думаю, это ничуть не хуже, чем помогать продавцу воды.

Затем, увидев, как просияло лицо Клайда, он прибавил:

– Но не говорите, что это я послал вас, ведь я вас не знаю. Просто разыщите там, под лестницей, мистера Скуайрса и поговорите с ним.

При одной мысли, что он может получить работу в столь внушительном учреждении, как отель «Грин-Дэвидсон», Клайд широко раскрыл глаза и задрожал от волнения; потом поблагодарил советчика за его доброту и направился к выкрашенному под мрамор проходу в глубине магазина, который вел в вестибюль отеля. Выйдя из этого коридора, Клайд оказался в вестибюле. Ничего подобного он никогда еще не видел: до сих пор бедность и робость мешали ему хотя бы украдкой заглянуть в этот мир. Какая всюду расточительная роскошь! Под ногами пол как шахматная доска с квадратами черного и белого мрамора; над головой потолок с росписью и позолотой. Его подпирает целый лес черных мраморных колонн, – таких же зеркально гладких и отполированных, как пол. Ряды колонн ведут к трем отдельным входам – правому, левому и центральному, на Дальримпл-авеню, а между колоннами – лампы, кресла, диваны и диванчики, статуи, пальмы, ковры – масса всякой всячины. Словом, вестибюль этот был воплощением той пошлой роскоши, назначение которой, как не без ехидства заметил кто-то, «внедрять изысканность в массы».

Действительно, для солидного отеля в большом и процветающем американском торговом городе здесь была почти чрезмерная роскошь. Номера, и холл, и вестибюли, и рестораны были обставлены слишком богато – не было ни облагораживающей простоты, ни изящества, ни целесообразности.

Клайд остановился, растерянно осматривая вестибюль и собравшееся здесь большое общество, – тут были и женщины и дети, но больше всего мужчин; они прогуливались взад и вперед, или стояли и беседовали, или отдыхали в креслах, группами и в одиночку. За тяжелыми драпировками, в роскошно обставленных глубоких нишах, стояли письменные столы с комплектами газет, в одном углу вестибюля – почтовое отделение, в другом – галантерейный киоск и киоск цветочницы, и здесь тоже было людно. В это время в городе происходил съезд дантистов, и многие из них со своими женами и детьми собрались сегодня в отеле «Грин-Дэвидсон». Но Клайду, который ничего не знал об этом и вообще не представлял себе, что такое «съезд», казалось, что это и есть обычная, повседневная картина жизни отеля.

В почтительном, пугливом изумлении Клайд смотрел на все вокруг; потом, вспомнив о Скуайрсе, отправился искать его в контору «под лестницей». Лестница оказалась справа от Клайда – огромная, черно-белая, мраморная, с двумя разветвлениями, которые широкими плавными изгибами вели во второй этаж. Между этими двумя большими крыльями лестницы и находилась, должно быть, контора отеля, поскольку там толпилось много служащих. За ближайшим крылом, у стены, в которой был проход из аптекарского магазина, помещалась высокая конторка, и за ней стоял юноша, примерно ровесник Клайда, обряженный в коричневый форменный костюм со множеством блестящих пуговиц. На голове у него была маленькая круглая шапочка, точно коробочка от пилюль, лихо сдвинутая на одно ухо. Он карандашом делал записи в лежавшей перед ним книге. Тут были и еще мальчики того же возраста и в такой же форме: одни сидели на длинной скамье, рядом с конторкой, другие стрелой проносились

во всех направлениях; порою они возвращались к стоящему за конторкой, передавали ему то какую-нибудь квитанцию, то ключ, то счет, а потом снова садились на скамью, ожидая, очевидно, другого поручения, и им как будто не приходилось долго ждать. Почти беспрерывно трещал телефон, и юноша за конторкой, выслушав поручение, звонил в стоявший перед ним маленький колокольчик или произносил: «Очередной» – на что отзывался первый сидевший с краю мальчик. Вызванные тотчас бежали к одной из лестниц, или к одной из входных дверей, или к лифтам и после этого почти всегда появлялись, неся вслед за входящими саквояжи, чемоданы, пальто, клюшки для гольфа. Другие мальчики исчезали в глубине вестибюля и возвращались с бутылками на подносах или с какими-нибудь пакетами, которые они несли в один из номеров наверх. Очевидно, такую работу пришлось бы выполнять и Клайду, если бы ему посчастливилось и его приняли на службу в этом отеле.

И все это делалось так бойко, кругом царило такое оживление, что ему очень захотелось оказаться счастливцем и попасть сюда. Но удастся ли это? И где этот мистер Скуайрс? Он подошел к юноше за конторкой и спросил:

– Вы не можете сказать, где мне найти мистера Скуайрса?

– А вот он идет, – ответил юноша, испытующе взглянув на Клайда живыми серыми глазами.

Клайд посмотрел в указанном направлении и увидел, что к ним стремительно приближается щеголеватый и, несомненно, видавший виды человек лет тридцати. Он был так строен, энергичен и превосходно одет, и у него было такое жесткое, колючее лицо, что Клайд почувствовал не только смущение, но даже благоговейный страх: видно, это очень хитрый, коварный человек, – у него такой длинный тонкий нос, тонкие губы, такой пронзительный взгляд и острый подбородок…

– Только что вышел высокий седой человек с шотландским пледом, видели? – спросил он своего помощника, остановившись у конторки.

Тот кивнул.

– Так вот, мне сказали, что это лорд Ландрэйл. Он приехал сегодня утром с четырнадцатью сундуками и четырьмя слугами. Подумать только! Важная персона в Шотландии. Впрочем, он путешествует под вымышленным именем. Записан здесь как мистер Блант. Вот они, англичане, – видали? Умеют показать класс, а?

– Совершенно верно, мистер Скуайрс, – почтительно ответил юноша за конторкой.

Только теперь Скуайрс обернулся и бросил беглый взгляд на Клайда. Юноша за конторкой пришел Клайду на помощь.

– Этот паренек хочет с вами поговорить, – объяснил он.

– У вас ко мне дело? – спросил Скуайрс, оборачиваясь к Клайду и окидывая его зорким, изучающим взглядом; не остался незамеченным и дешевый костюм мальчика.

Клайду не очень понравился этот человек, но он решил произвести на него возможно лучшее впечатление.

– Джентльмен из аптекарского магазина сказал мне… – начал Клайд, – то есть он посоветовал обратиться к вам… может быть, на мое счастье, вам нужен рассыльный. Я работаю помощником в аптекарском магазине Клинкла, на углу Седьмой и Бруклин-стрит, но хочу уйти оттуда, и тот джентльмен сказал, что вы можете… то есть он думал… может быть, у вас есть свободное место…

Клайд был так смущен и сбит с толку холодным, испытующим взглядом мистера Скуайрса, что едва мог перевести дыхание и судорожно проглотил слюну.

В первый раз в жизни он подумал, что, если хочешь добиться успеха, надо расположить к себе людей, сделать или сказать что-то такое, что понравилось бы им. Итак, собравшись с духом, Клайд заискивающе улыбнулся Скуайрсу и прибавил:

– Если только вы разрешите мне попробовать, я буду стараться изо всех сил.

Человек, стоявший перед Клайдом, в ответ только холодно посмотрел на него; но так как он сам был хитер и умел достигать своей цели разными окольными путями, то ему нравился всякий, кто обладал ловкостью, изворотливостью, умением разговаривать с людьми. И вместо того, чтобы покачать головой и отказать, он заметил:

– Но ведь у вас нет никакого опыта в этом деле?

– Нет, сэр, но я быстро научусь, я буду очень стараться.

– Ну хорошо, я подумаю, – сказал начальник рассыльных, с сомнением почесывая висок. – Сейчас мне некогда. Приходите в понедельник к вечеру. Тогда поговорим.

Он повернулся на каблуках и пошел прочь.

Клайд, оставшись один и не вполне понимая, что все это значит, растерянно озирался. Неужели ему и вправду назначили прийти в понедельник? Неужели возможно, что он… Клайд повернулся и выбежал на улицу, от волнения его била дрожь. Вот это удача! Он попросил, чтобы его взяли на работу в самый лучший отель Канзас-Сити, и ему назначили прийти в понедельник! Вот как?! Что бы это значило? Неужели его могут впустить в этот великолепный мир – и так быстро! Неужели и вправду так будет?

Глава V

Как разыгралась теперь фантазия Клайда, какие мечты о будущем связаны были у него с работой в столь замечательном учреждении, об этом можно лишь догадываться: его представления о роскоши были в целом сильно преувеличены, ошибочны и нелепы, – просто смутные бредни, плод постоянно подавляемого неудовлетворенного воображения, которое доныне питалось одними выдумками.

Клайд вернулся к своим обязанностям в аптекарском магазине; после работы он шел домой, ел и спал, но, в сущности, все эти дни – пятницу, субботу, воскресенье и понедельник до вечера – он витал где-то в облаках. Он не сознавал, что делает, и не раз его начальник в магазине предлагал ему «проснуться». А после работы он шел не прямо домой, а снова туда, на угол Четырнадцатой и Балтимор-стрит, и смотрел на великолепный отель. Там даже в полночь перед каждым из трех главных подъездов, выходивших на три улицы, стоял швейцар в длинной коричневой ливрее со множеством пуговиц и в высокой коричневой фуражке с большим козырьком. А внутри, за тонкими шелковыми шторами, все еще сияли огни в большом зале ресторана и в баре, помещавшемся в нижнем этаже. У подъездов – множество такси и частных машин. И откуда-то всегда доносится музыка.

Клайд разглядывал это здание в пятницу вечером, и в субботу, и утром в воскресенье, а в понедельник, во второй половине дня, снова явился в отель, как велел мистер Скуайрс; этот субъект встретил Клайда довольно неприветливо, так как успел уже о нем забыть. Но ему действительно нужен был еще один рассыльный, и Клайд как будто годился на эту должность; поэтому Скуайрс провел Клайда в свою маленькую контору под лестницей, где величественно и с полнейшим равнодушием стал расспрашивать его о родителях, о том, где он живет, где и чем раньше занимался, чем зарабатывает на жизнь отец. Последний вопрос особенно смутил Клайда. Он был горд, и ему было стыдно признаться, что его родители руководят миссией и проповедуют на улицах. И он ответил (ведь так иногда бывало), что отец его работает в одной фирме агентом по распространению стиральных машин, а по воскресеньям проповедует религиозное обновление; это понравилось начальнику мальчишек, которые меньше всего были склонны к чинному и благочестивому образу жизни. Может ли Клайд представить рекомендацию с места его теперешней службы? Да, может.

Мистер Скуайрс принялся объяснять, что порядки в отеле очень строгие. Многие мальчики, наблюдая жизнь отеля и соприкасаясь с чрезмерной, непривычной для них роскошью (Скуайрс, впрочем, говорил другими словами), теряют голову и сбиваются с пути. Ему постоянно приходится увольнять мальчиков, которые, заработав немного лишних денег, начинают дурно себя вести. Ему нужны мальчики услужливые, воспитанные, расторопные, учтивые. Они должны быть опрятными, одеваться чисто и аккуратно; на работу каждый день должны являться без опозданий, минута в минуту, и в надлежащем виде. А тот, кто вообразит, что, заработав немного денег, уже можно позволить себе дерзко отвечать или заводить интрижки и участвовать в ночных кутежах, а потом опаздывать на службу или являться утомленным, вялым и неповоротливым, – тот пусть не рассчитывает остаться здесь надолго. Такого выставят в два счета. Он, Скуайрс, не потерпит никаких глупостей. Это надо усвоить теперь же, раз и навсегда.

Клайд кивал в знак согласия и время от времени вставлял с готовностью: «Да, сэр» или «Нет, сэр»; под конец он заверил мистера Скуайрса, что и подумать не может о том, чтобы столь неприлично себя вести, да и по своему характеру просто не способен на такие проступки, о которых говорит мистер Скуайрс.

Затем Скуайрс объяснил, что мальчики получают в отеле только пятнадцать долларов в месяц, а также стол (в подвальном этаже находится специальная столовая для служащих). Но

– и это сообщение было самым удивительным открытием для Клайда – каждый гость за любую услугу, – если мальчик принесет чемодан, или кувшин воды, или выполнит еще какое-нибудь поручение, – дает на чай, и порой довольно щедро: десять, пятнадцать, двадцать пять центов, иногда больше. И эти чаевые составляют в среднем от четырех до шести долларов в день, не меньше, а иногда и больше, – огромные деньги, подумал Клайд. Сердце его подпрыгнуло, он чуть не ахнул, услыхав о такой громадной сумме. От четырех до шести долларов в день! Да ведь это значит двадцать восемь или даже сорок два доллара в неделю! Он с трудом верил своим ушам. И это сверх пятнадцати долларов в месяц и питания. И, кроме того, сказал мистер Скуайрс, из жалованья ничего не удерживают за красивую форму, которую носят рассыльные в отеле. Но ее можно носить только на работе. Затем мистер Скуайрс объяснил, что по понедельникам, средам, пятницам и воскресеньям Клайд должен работать от шести утра до полудня и затем, после шестичасового перерыва, с шести вечера до полуночи; по вторникам, четвергам и субботам он будет занят только от полудня до шести; таким образом, у него будут свободными то вторая половина дня, то вечер; но завтракать и обедать он должен в свои свободные часы. Наконец, вместе с другими мальчиками, он обязан пунктуально, в форменной одежде являться на поверку, Скуайрс производит ее ровно за десять минут до начала каждой смены.

Мистер Скуайрс думал еще и о других вещах, но умолчал о них: он знал, найдутся люди, которые скажут за него. А пока он продолжал что-то объяснять и вдруг, совершенно неожиданно для Клайда, слушавшего все это как во сне, спросил:

– Полагаю, вы можете приступить к работе сейчас же?

– Да, сэр! Конечно, сэр! – ответил Клайд.

– Отлично!

Скуайрс поднялся и распахнул дверь.

– Оскар! – позвал он ближайшего из сидевших на скамье рассыльных, и к нему поспешно подошел рослый, плечистый юноша, затянутый в чистенькую форменную курточку. – Отведите этого молодого человека – Клайд Грифитс, не так ли? – на двенадцатый, в гардеробную, чтобы Джекобс подобрал ему костюм. Если не найдется подходящего, пусть подгонит какой-нибудь к завтрашнему дню. Но, я думаю, ему будет впору тот, что носил Силсби.

Затем, обращаясь к своему помощнику, глядевшему из-за конторки на Клайда, мистер Скуайрс пояснил:

– Беру его на пробу. Пусть кто-нибудь из мальчиков натаскает его сегодня вечером или когда он там начнет. Ступайте, Оскар, – сказал он юнцу, которому поручил Клайда. – Он новичок в нашем деле, но, я думаю, справится, – прибавил мистер Скуайрс, снова обращаясь к помощнику, когда Клайд и Оскар направились к одному из лифтов.

И он пошел сказать, чтобы имя Клайда внесли в платежную ведомость.

Тем временем Клайд, идя на буксире за своим новым ментором, выслушивал ряд таких сведений, какие еще никогда не достигали его ушей.

– Тут нечего трусить, даже коли никогда и не работал в таком месте, – начал этот юнец.

Как позже узнал Клайд, его звали Хегленд, он был родом из Джерси-Сити, штат Нью-Джерси, откуда и привез свой экзотический жаргон и размашистые жесты. Он был высокий, крепкий, рыжеволосый, весь в веснушках, болтливый и добродушный.

Они вошли в лифт с надписью «Для служащих».

– Это штуковина нетрудная, – продолжал спутник Клайда. – Вот когда я впервой стал работать в Буффало, три года назад, так ни бум-бум не смыслил. Ты только гляди, что да как другие делают, понял?

Клайд, гораздо более образованный, чем его спутник, мысленно с неодобрением отмечал неправильности его произношения и жаргонные словечки, но был в эту минуту так благодарен за малейший знак внимания, что охотно простил бы своему благодушному наставнику все, что угодно, за его дружелюбие.

– Сперва гляди, кто что делает да как, тогда и сам навостришься. Вот звякнет звонок, а ты сидишь крайним на скамейке, стало быть, твой черед, вскакивай и беги. Они тут любят, чтоб поживей, понял? Коли кто войдет в подъезд или вылезет из лифта с чемоданом, а ты тут крайний на скамейке – беги и хватай чемодан, все равно – звал старшой или нет. Не жди, пока он позовет, – он иногда занят, не видит. Тут надо и самому не зевать. Не ухватишь чемоданы – не получишь на чай, понял? У кого в руках чемодан или что другое, тому, ясно, надо помочь, разве что он сам захочет тащить свой багаж. Всегда надо быть поближе к конторке, потому что, кто входит, все первым долгом запишутся и спросят номер, – трещал он дальше, пока они поднимались в лифте. – Потом клерк даст тебе ключ, – тогда волоки весь багаж прямо в номер. Потом, если номер с ванной и с уборной, зажги всюду свет, чтоб они видели, где что, понял? Потом подними занавески, коли день, а коли вечер, – опусти и погляди, есть ли в номере полотенца, а коли нет, скажи горничной, а потом, коли не дадут на чай, уходи. Только сперва покрутись там еще, повозись с ключом у двери, проверь форточку, в общем, застрянь малость, понял? Тогда, коли они чего смыслят, так дадут монетку, а уж коли не дадут, значит – крышка, надо уходить. И нельзя подавать виду, что недоволен, ничего такого, понял? А потом, коли не попросят воды со льдом или еще чего, значит – крышка. Иди вниз и живо на скамейку. Штука несложная. Только поворачивайся поживей, да не зевай, когда кто входит или выходит. В этом вся соль. А как получишь форму да начнешь работать, не забывай отдавать начальнику доллар после каждой смены, когда уходишь, понял? А когда две смены в день – так два доллара. Такой уж порядок. Все мы так делаем, и тебе придется, коли хочешь тут зацепиться. Но уж это все. Остальное – твое.

Клайд понял.

Очевидно, из его двадцати четырех или тридцати двух долларов часть ускользает, – примерно долларов одиннадцать или двенадцать. Ну, не беда! Ведь у него останется еще двенадцать или пятнадцать, а может, и больше. И сверх того еда и форма. Господи Боже! Да это же сущий рай! Предел всех желаний!

Мистер Хегленд из Джерси-Сити проводил его на двенадцатый этаж, в комнату, где они застали сморщенного седого человечка неопределенного возраста и нрава; он тотчас подобрал Клайду костюм, оказавшийся настолько впору, что никаких переделок не потребовалось. Примерив несколько шапочек, Клайд нашел такую, которая тоже оказалась впору, и лихо сдвинул ее набекрень; оставалось только постричься: «Волосы у тебя длинноваты, надо бы сзади подрезать», – заметил Хегленд. Клайд и сам подумал об этом, еще раньше, чем Хегленд заговорил. Его волосы действительно были длинноваты для такой шапочки, и Клайд сразу их возненавидел.

Когда они вернулись вниз, к Уиплу, помощнику мистера Скуайрса, тот сказал:

– Порядок! Костюм в самый раз, правда? Ладно, приступай в шесть часов. Придешь к половине шестого и явишься в форме на поверку без четверти шесть.

После этого, выслушав соответствующие наставления Хегленда, Клайд отправился в гардеробную, запер свою форменную одежду в шкафчик, указанный гардеробщиком, и, взволнованный, выбежал из отеля – сперва подстричься, а потом домой, сообщить родным о своем счастье.

Он будет рассыльным в великолепном отеле «Грин-Дэвидсон»! Он будет носить форму, да еще такую красивую. Он будет получать… но он не сказал матери точно, сколько будет получать. Для начала, вероятно, около одиннадцати или двенадцати долларов, он еще не знает наверно. В перспективе он вдруг увидел некоторое материальное благополучие если не для всей семьи, то хотя бы для себя одного, и ему не хотелось осложнять дело, назвав подлинную сумму своего будущего заработка: конечно, родители тогда станут больше с него требовать. Он сказал, однако, что будет бесплатно столоваться в отеле, – значит, ему незачем приходить домой к обеду, а как раз этого он и хотел. И вдобавок он будет жить и дышать в атмосфере

этого великолепного отеля… Он сможет, при желании, возвращаться домой не раньше полуночи… сможет хорошо одеться… и завести интересные знакомства… И, пожалуй, немного поразвлечься… Ого!

И пока он бегал по всяким делам, ему пришла на ум еще одна лукавая и восхитительная мысль: он может не приходить домой в те вечера, когда захочет пойти в театр или еще куда-нибудь. Он просто останется в городе, а после скажет дома, что ему пришлось работать. И к тому же даровой стол и форменная одежда! Подумать только!

Все это было так поразительно, так увлекательно, что он даже боялся слишком много об этом думать. Лучше подождать и посмотреть. Просто – подождать и посмотреть, чего он может достигнуть здесь, в этом чудесном, чудесном царстве!

Глава VI

Крайняя неопытность Грифитсов – Эйсы и Эльвиры – во всех житейских, практических вопросах помогла Клайду осуществить свои мечты. Ибо ни Эйса, ни Эльвира не имели представления об истинном характере работы, на которую поступал Клайд, – едва ли они знали об этом больше, чем он сам; они не представляли себе, как эта работа может повлиять на его воображение и нравственность, на его материальное положение и на многое другое. Никогда в жизни ни Эйса, ни его жена не останавливались в отеле выше четвертого разряда; никогда не бывали в ресторанах, где обедают люди более состоятельные, чем они сами. Им совершенно не приходило в голову, что для мальчика в возрасте Клайда и с его характером возможна какая-то другая работа и иные формы общения с людьми, помимо переноски чемоданов от дверей отеля к конторке и обратно. И оба они наивно полагали, что плата за такую работу должна быть очень невысокой, скажем, пять или шесть долларов в неделю, в сущности меньше, чем заслуживал Клайд по своим годам и способностям.

Поэтому миссис Грифитс, которая была все же практичнее, чем муж, и больше заботилась о материальном благополучии Клайда и других детей, недоумевала: почему вдруг Клайд так радуется новой службе, которая, по его же словам, будет отнимать больше времени и даст едва ли больше денег, чем прежняя. Правда, Клайд уже намекнул, что в отеле можно и повышение получить, например стать клерком, – но он и сам не знал, когда это будет, а на прежнем месте он скорее мог бы добиться чего-то лучшего, по крайней мере в смысле заработка.

Но когда в понедельник он примчался домой и объявил, что получил место и что ему надо поскорее сменить галстук и воротничок, подстричься и бежать назад, на поверку, она, глядя на него, успокоилась. Никогда прежде она не замечала, чтобы он так увлекался чем-либо; ему же будет лучше, если он почувствует себя увереннее в жизни и станет повеселее.

Он отдавал этой работе все свое время с шести часов утра до полуночи; лишь изредка он возвращался раньше в какой-нибудь не занятый работой вечер, когда ему вдруг приходило в голову пойти домой, – и тогда он спешил объяснить, что его отпустили немножко раньше времени. В манерах его появилось что-то резкое, беспокойное; если только он не спал и не переодевался, он тотчас старался убежать из дому… Все это, вместе взятое, сильно озадачивало и мать и отца. Отель! Отель! Вечно он торопится в этот отель, но из его слов можно лишь понять, что ему там очень нравится и что с делом своим он как будто справляется. Работа эта куда приятнее, чем возня с содовой водой, и он надеется, что сможет зарабатывать здесь больше, и очень скоро, но когда – точно не знает… Однако сверх этого он ничего не хотел или не мог рассказать.

Отец и мать Клайда все время чувствовали, что из-за истории с Эстой им следует уехать из Канзас-Сити и поселиться в Денвере. А Клайд упорнее чем когда-либо хотел остаться в Канзас-Сити. Они могут ехать, но у него здесь хорошая работа, и он намерен за нее держаться. Если они уедут, он найдет себе комнату, и все будет хорошо. Но этот план совсем не нравился родителям,

А какая огромная перемена произошла в жизни Клайда! В тот первый вечер, ровно в пять сорок пять, он явился к мистеру Уиплу, своему ближайшему начальнику, и был им одобрен, – не только за то, что на нем хорошо сидел форменный костюм, но за свой вид в целом, – и с этой минуты весь мир для него преобразился. Клайд и еще семеро юнцов выстроились перед мистером Уиплом в служебном помещении, которое примыкало к бюро по обслуживанию, и начальник осмотрел их; после этого, как только часы пробили шесть, весь отряд промаршировал по вестибюлю мимо главного бюро и большой лестницы к конторке Уипла и дальше, к длинной скамье. Здесь все восемь мальчиков уселись (Клайд – последним в ряду) в ожидании вызова, готовые броситься выполнять любое поручение; сменившаяся команда мистера Уипла

была отведена в помещение для служащих и там отпущена. Пост Уипла за конторкой занял сменивший его мистер Барнс.

Дзинь!

Зазвонил звонок у конторки номерного клерка, и первый мальчик убежал.

Дзинь! – прозвенело снова, и вскочил второй мальчик.

– Очередной! К центральному входу! – крикнул мистер Барнс, и третий мальчик заскользил по мраморному полу к двери и подхватил чемоданы входящего гостя, чьи белые бакенбарды и не по возрасту светлый шерстяной костюм даже неопытный глаз Клайда различил за сто шагов. Таинственное и священное видение – чаевые!

– Очередной! – снова позвал мистер Барнс. – Узнай, чего желает девятьсот тринадцатый. Воды со льдом, наверно.

И четвертый мальчик исчез.

Клайд, все время передвигавшийся по скамейке вслед за Хеглендом, которому было поручено подучить его немного, весь обратился в зрение и слух. Нервы его были так натянуты, что он с трудом дышал, поминутно вздрагивал и никак не мог усидеть спокойно; Хегленд наконец сказал ему:

– Брось ты трусить. Держи крепче вожжи, понял? Все будет в порядке. Меня сперва тоже трясло, с новичками всегда так. Но этак не годится. Полегче надо, вот что. И нечего таращиться по сторонам – смотри прямо перед собой, будто тебе и дела нет ни до кого.

– Очередной! – опять крикнул мистер Барнс.

Клайд едва соображал, о чем говорит Хегленд.

– Сто пятнадцатый требует бумаги и перьев.

Пятый мальчик скрылся.

– Где вы берете бумагу и перья, когда надо? – умоляюще, тоном приговоренного к смертной казни, спросил Клайд своего наставника.

– Я же говорил тебе – у клерка, где ключи выдают. Вон, налево. Он даст и бумаги и перьев. А воду со льдом берешь в том зале, где мы сейчас строились на поверку. Вон там, в углу, маленькая дверь, видишь? Парню, который наливает воду, иной раз дашь десять центов, – его тоже надо задобрить.

Дзинь! – звонок номерного клерка.

Шестой мальчик, не говоря ни слова, отправился выполнять какое-то поручение.

– И еще запомни, – продолжал Хегленд, видя, что подходит его очередь, и спеша дать Клайду последние наставления, – коли захотят чего выпить, напитки получишь вон там, за столовой. Да не путай названий, а то гости разозлятся. А коли вечером будешь показывать номер, спусти шторы да открой свет, а коли надо чего в столовой, разыщи там старшого да сунь ему в руку – понял?

– Очередной!

Хегленд вскочил и исчез.

Теперь Клайд был первым номером. Четвертый номер уже снова сел около него, зорко поглядывая – не понадобятся ли где-нибудь его услуги.

– Очередной! – возглас Барнса.

Клайд вскочил и стал перед ним, радуясь, что никто не входит с чемоданами, но терзаясь страхом, что не поймет поручения или выполнит его недостаточно быстро.

– Узнай, чего хочет восемьсот восемьдесят второй.

Клайд помчался к лифтам с надписью «для служащих», помня, что именно этим путем он поднимался с Оскаром на двенадцатый этаж; но другой мальчик, выходивший из лифта для гостей, указал ему на его ошибку.

– Вызвали в номер? – окликнул он. – Тогда иди к лифту «для гостей». А эти два для служащих и для тех, кто с вещами.

Клайд поспешил исправить свой промах.

– На восьмой, – сказал он.

В лифте больше никого не было, и маленький негр-лифтер заговорил с Клайдом:

– Новенький, да? Не видал вас раньше.

– Да, я только что поступил, – ответил Клайд.

– Ну, вам тут понравится, – дружелюбно сказал мальчик. – Тут, знаете, всем нравится. Вам какой этаж, восьмой?

Он остановил кабину лифта, и Клайд вышел. От волнения он забыл спросить, в какую сторону ему идти, и теперь, начав искать нужный номер, быстро убедился, что попал не в тот коридор. Пушистый коричневый ковер под ногами, светлые, окрашенные в кремовый цвет стены, мягкий свет, льющийся сквозь белоснежные шары, вделанные в потолок, – все это казалось ему атрибутами наивысшего социального благополучия, почти неправдоподобного совершенства, – так далеко это было от всего, что он знал.

Наконец, отыскав номер 882, он робко постучал и через мгновение в приоткрывшуюся дверь увидел кусок синей в белую полоску пижамы и выше – соответствующую часть круглого румяного лица и один глаз, окруженный морщинками.

– Вот тебе доллар, сынок. – Казалось, что это говорил глаз, и сейчас же появилась рука, державшая бумажку в один доллар. Рука была толстая и красная. – Сбегай к галантерейщику и купи мне пару подвязок. Бостонские подвязки, шелковые. Да поскорее!

– Слушаю, сэр, – ответил Клайд и взял доллар.

Дверь захлопнулась, а Клайд уже мчался по коридору к лифту, гадая про себя, что такое «галантерейщик». Хотя Клайду было уже семнадцать лет, он не знал этого слова, – никогда прежде не слышал его или, может быть, слышал, но не обращал внимания. Если б ему сказали «магазин мужского белья», он бы сразу понял. Но ему велели пойти к «галантерейщику», а он не знал, что это такое. Холодный пот выступил у него на лбу. Колени подгибались. Черт! Как теперь быть? Что, если он спросит у кого-нибудь, даже у Хегленда, и его сочтут…

Он вошел в лифт, и кабина пошла вниз. Галантерейщик… Галантерейщик… И вдруг его осенило. Допустим, он не знает, что это такое. Но, в конце концов, нужна пара шелковых бостонских подвязок. Где же достать шелковые бостонские подвязки? Ясно, там, где вообще покупают принадлежности мужского туалета. Ну конечно! Магазин мужского белья. Надо сбегать в магазин. И по дороге вниз, заметив, что и этот негр-лифтер смотрит приветливо, он спросил:

– Не знаете, где тут поблизости магазин мужского белья?

– В этом же здании, как раз около южного входа, – ответил негр, и Клайд, испытывая величайшее облегчение, поспешил туда.

Он все еще чувствовал себя неловко и странно в туго затянутой форменной куртке и в этой забавной круглой шапочке. Ему все казалось, что она вот-вот слетит с головы, и он исподтишка то и дело старался надвинуть ее поплотнее. Вбежав в ярко освещенный магазин, он торопливо сказал:

– Мне надо пару шелковых бостонских подвязок!

– Отлично, сынок, пожалуйста! – елейным тоном сказал галантерейщик, невысокий, румяный человек с блестящей лысиной и в золотых очках. – Наверно, для кого-нибудь в отеле? Ну вот, это стоит семьдесят пять центов, а вот десять центов для тебя, – сказал он, завертывая покупку и опуская доллар в кассу. – Я всегда рад услужить мальчикам из отеля: знаю, что вы и в другой раз ко мне придете.

Клайд взял десять центов и пакет. Он не знал, что и думать. Подвязки стоят семьдесят пять центов – так сказал галантерейщик. Значит, вернуть нужно только двадцать пять центов сдачи. Выходит, десять центов остаются ему. А теперь… может быть, и гость тоже даст ему на чай.

Он побежал назад в отель, к лифту.

Где-то играл струнный оркестр, и чудесные звуки наполняли вестибюль. Неторопливо проходили люди, – такие нарядные, самоуверенные, так непохожие на тех, кого он встречал на улицах и вообще вне стен отеля «Грин-Дэвидсон».

Дверца лифта распахнулась. Несколько человек вошли в кабину, после всех – Клайд и другой рассыльный, поглядевший на него с любопытством. На шестом этаже этот мальчик вышел. На восьмом вышли Клайд и пожилая дама. Он поспешил к двери номера 882 и постучал. Дверь приоткрылась; обитатель номера успел сменить пижаму на брюки и побриться.

– А, уже! – воскликнул он.

– Да, сэр, – ответил Клайд, протягивая пакет и сдачу. – Он сказал, что подвязки стоят семьдесят пять центов.

– Он просто грабитель! А сдачу все равно возьми себе, – ответил тот, протянул Клайду двадцать пять центов и закрыл дверь.

Мгновение Клайд стоял как завороженный. «Тридцать пять центов, – думал он, – тридцать пять центов! За одно пустячное поручение! Неужели тут всегда так? Не может быть! Это невозможно!» Ноги его тонули в мягком ковре, а рука сжимала в кармане деньги; в эту минуту он готов был завизжать или громко расхохотаться. Шутка – тридцать пять центов за такой пустяк! Один дал ему двадцать пять центов, другой – десять, а ведь он ничего не сделал.

Внизу он поспешно выскочил из кабины. В вестибюле его снова пленили звуки оркестра, а нарядная толпа, сквозь которую он пробирался обратно к скамье рассыльных, привела его в трепет.

Затем его послали отнести три чемодана и два зонтика пожилой супружеской чете, – видимо, фермерам, снявшим номер с гостиной, спальней и ванной на пятом этаже. По дороге, как заметил Клайд, супруги внимательно разглядывали его, хотя ни слова не сказали. Как только они вошли в номер, Клайд быстро повернул выключатель около двери, опустил шторы и разместил чемоданы; и тут пожилой и неуклюжий супруг, все время наблюдавший за Клайдом, – весьма солидная личность в бакенбардах, – изрек наконец:

– А вы как будто юноша исполнительный и проворный. Нам попадались и похуже, скажу я вам.

– Я вообще считаю, что отель – не место для мальчика, – прощебетала его любезная супруга, пышная, круглая, как шар, особа, занятая в эту минуту осмотром смежной комнаты. – Не хотела бы я, чтобы который-нибудь из моих сыновей работал в отеле… Как тут люди себя ведут!

– Вот что, молодой человек, – продолжал фермер, снимая пальто и роясь в кармане брюк. – Сбегайте-ка вниз и купите мне три или четыре вечерние газеты – сколько найдется, и захватите кувшин со льдом, а когда вернетесь, получите пятнадцать центов на чай.

– Этот отель лучше, чем в Омахе, папочка, – объявила его супруга. – Здесь ковры и занавеси лучше.

Как ни был наивен Клайд, он не мог не улыбнуться про себя. Однако лицо его сохраняло торжественную неподвижность, словно маска, лишенная всяких признаков мысли. Он взял мелочь и вышел. А через несколько минут принес воду и вечерние газеты и удалился, улыбаясь, с пятнадцатью центами в кармане.

Но то было лишь начало необыкновенного вечера. Едва Клайд снова сел на скамью, как его позвали в 529-й номер. Надо было сбегать в бар за двумя бутылками фруктовой воды и двумя сифонами содовой. Когда дверь приоткрыли, чтобы передать Клайду заказ, он успел увидеть в зеркале над камином компанию франтоватых молодых людей и девиц; они весело болтали и смеялись; миловидная девушка в белом сидела на ручке кресла, в котором развалился молодой человек, обнимавший ее за талию.

Клайд загляделся на эту сценку, хотя и старался делать вид, что не смотрит. Для него сейчас это было все равно что заглянуть во врата рая. В номере собрались девушки и молодые люди ненамного старше его самого; они смеялись, болтали и даже пили – не какую-нибудь содовую воду с мороженым, но, конечно, такие напитки, которые, по словам его родителей, неминуемо ведут к гибели, а молодые люди, видно, ничуть об этом не беспокоились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.